

DOI: 10.58589/26866722\_2022\_74\_100

УДК/UDC 343

## О некоторых тенденциях в совершенствовании российского уголовного законодательства

Пантюхина Инга Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

г. Рязань, Россия,

e-mail: i.pantuhina@365.rsu.edu.ru

SPIN-код: 3985-3067,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8901-2910>

### Аннотация

В статье рассматриваются уголовно-правовые нормы, принятые в 2022 году, которые подтверждают ряд тенденций развития российского уголовного законодательства. Показаны три такие тенденции как: чрезмерно длинные и сложные названия статей Особенной части УК РФ; избыточность самостоятельной регламентации схожих преступлений (дробление на отдельные статьи); расширение числа преступлений с административной преюдицией с использованием в их конструкциях различных признаков, характеризующих один и тот же элемент преступления. На основе конкретных уголовно-правовых норм показаны примеры выражения этих тенденций, обозначены их негативные моменты и способы их устранения или минимизации. Обоснованы предложения об исключении из названий статей развернутых описаний деяний, признаков субъектов преступлений и целей их совершения, которые раскрываются в их диспозициях; об объединении в единые статьи схожих составов преступлений с их дифференциацией; о замене в нормах с административной преюдицией формулировки о том, что деяние совершается «лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года» на указание его совершения лицом, подвергнутым административному наказанию.

**Ключевые слова:** название статьи, преступление, признаки преступления, административная преюдиция, специальные признаки субъекта преступления, цель совершения преступления, конструкция нормы.

## About some trends in the improvement of Russian criminal legislation

Pantuhina Inga Vladimirovna

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal law and criminology

Ryazan State University

Ryazan, Russia

e-mail: i.pantuhina@365.rsu.edu.ru

SPIN-код: 3985-3067

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8901-2910>

### Abstract

The article examines the criminal law norms adopted in 2022, which confirm a number of trends in the development of Russian criminal legislation. Three such trends are shown as: excessively long and complex titles of articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation; redundancy of independent regulation of similar crimes (splitting into separate articles); expansion of the number of crimes with administrative prejudice using in their constructions various signs characterizing the same element of the crime. On the basis of specific criminal law norms, examples of the expression of these trends are shown, their negative aspects and ways to eliminate or minimize them are indicated. The proposals to exclude from the titles of articles detailed descriptions of acts, signs of the subjects of crimes and the purposes of their commission, which are disclosed in their dispositions, are substantiated; on the unification of similar elements of crimes into single articles with their differentiation; on the replacement in the norms with administrative prejudice of the wording that the act will be committed "by a person after he is brought to administrative responsibility for a similar act within one year" with an indication of its commission by a person subjected to administrative punishment.

**Key words:** title of the article, crime, signs of a crime, administrative prejudice, special signs of the subject of the crime, the purpose of the crime, the construction of the norm.

В 2022 году отечественное уголовное законодательство пополнилось целым рядом нововведений. Они выразились в коррективах отдельных уголовно-правовых норм, в новых редакция некоторых норм Особенной части УК РФ, в дополнении отдельных статей УК РФ новыми частями, а также во включении в Особенную часть УК РФ статей, содержащих новые составы преступлений. Анализ новел позволяет утверждать, что в них подтвердились некоторые тенденции совершенствования российского законодательства, наметившиеся в последнее десятилетие, далеко не все из которых, заслуживают позитивной оценки. Это обусловлено недостатками подготовки законопроектов о внесении изменений в УК РФ, которые далеко не всегда разработаны на должном уровне, характеризуются поспешностью принятия решений, что подчеркнуто в научных концепциях развития российского законодательства, подготовленных Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ [1, с. 100].

Первая из таких тенденций проявляется в формировании чрезмерно длинных названий статей Особенной части УК РФ, в которых обозначаются наименования, закрепленных в них составов преступлений. Нередко в них фактически воспроизводятся описания деяния, конкретизируются признаки субъекта преступления, целей его совершения и иных признаков состава преступления. Такие детализированные названия статей представляются излишними, поскольку в некоторых случаях содержание регламентированных в них норм лишь незначительно отличается от названия статьи конкретизацией одного-двух признаков преступления (например, диспозиция ч. 1 и 2 ст. 264.3 отличается от названия лишь конкретизацией деяния, за совершение которых лицо было подвергнуто административному наказанию или имеет судимость). Названия статей Особенной части УК РФ должны быть лаконичными, легко воспринимаемыми и обозначающим сущность, регламентированных в них общественно опасных деяний (как это усматривается в большинстве статей первой редакции УК РФ: убийство, клевета, вандализм, самоуправство, служебный подлог, дача взятки и т.д.).

Чрезмерное перечисление признаков преступления усматривается в названиях таких, впервые включенных в УК РФ статей, как ст. 201.2, 201.3, 207.3, 264.3, 274.2, 275.1, 280.3, 285.5 и 285.6, а также в измененном названии ст. 208 УК РФ. В их формулировках помимо действий, образующих деяние содержатся описания различных признаков преступлений или их сочетания. В частности, предмет преступления описывается в названиях ст. 201.2, 201.3, 207.3, 274.2, 285.5 и 285.6 УК РФ. Более того, в одних используются термины, являющиеся синонимами (контракт и договор – ст. 201.2, 201.3, 285.5 и 285.6 УК РФ), в других – указываются признаки специального субъекта преступления (ст. 201.3, 264.3, 285.5, 282,6 УК РФ), и даже по два таких признака (ст. 264, 282,6 УК РФ). В название одной из новых статей включена цель совершения

преступления – ст. 280.3 УК РФ. Также, помимо других признаков, целью преступления дополнено название ст. 208 УК РФ. Таким образом, названия перечисленных статей УК РФ продолжили череду сложных, чрезмерно объемных наименований составов преступлений, появившихся в последние годы (ст. 199.2-199.4, 200.3, 201.2, 226.1, 228, 228.1, 228.3-229.1, 238.1, 243.1, 243.3, 243.4, 258.1, 264.2, 282.4, 284.1, 284.2, 292.1, 322.2, 330.2 УК РФ и др.).

Большинство названий новых статей УК РФ можно существенно сократить без ущерба для их сущностного смысла. Так, в названии ст. 207.3 УК РФ формулировку «публичное распространение заведомо ложной информации» можно заменить одним термином – «клевета», тем самым сократив его объем на 1/3. В два раза можно сократить название ст. 280.3 УК РФ обозначив ее как «Дискредитация Вооруженных Сил Российской Федерации и (или) государственных органов Российской Федерации», а ст. 275.1 УК РФ назвать как «Сотрудничество с иностранным государством, международной либо иностранной организацией» и т.д.

Включение в название статьи признаков субъекта преступления является необходимым в крайних случаях, когда его специальный признак является настолько специфическим, что становится ключевым в определении преступления (например, ст. 106 УК РФ – убийство матерью новорожденного ребенка) или когда есть такая необходимость для разграничения смежных преступлений, совпадении других признаков преступления, как это усматривается в ст. 201.2 и 285.5; ст. 201.3 и 285.6 УК РФ. Обычно, специальные признаки субъекта преступления описываются в диспозиции уголовно-правовой нормы, в связи с чем нет необходимости их выноса в название статьи.

Включение в название статьи цели совершения преступления также представляется излишним. Этот признак субъективной стороны

преступления является факультативным. Если ему придается криминообразующее значение, то он включается в диспозицию соответствующей уголовно-правовой нормы. Анализ статей (составов преступления), в которых цель использована в их названиях (ст. 191.1, 205.3, 234, 242.2, 243.4 УК РФ, в том числе и в новых ст. 280.3 и 208 УК РФ) показал, что ее исключение не принесет никакого ущерба для смысла обозначаемых преступлений.

Другая тенденция наблюдается в излишней самостоятельности регламентации схожих преступлений (их дробление на несколько статей), как это усматривалось в ст. 171.3 и 171.4, ст. 282.1–282.3 УК РФ и др. Из числа нововведений следует отметить ст. 201.2 и 201.3; ст. 285.5 и 285.6 УК РФ. В статьях указанных пар содержатся схожие по ряду признаков преступления (предмета преступления, частично субъекта), поэтому их было бы целесообразным соединить с дифференциацией в их частях ответственности за совершаемые деяния. Например, преступления, предусмотренные ст. 201.2 и 201.3 УК РФ можно было бы назвать «Отказ, уклонение или нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо контракта, необходимого для его выполнения». В ч. 1 такой статьи установить ответственность за отказ или уклонение от заключения соответствующих контрактов, а в ч. 2 за нарушение их условий, в ч. 3 квалифицирующих признаков (при необходимости). То же следует сделать со ст. 285.5 и 285.6 УК РФ. Кроме того, ст. 264.3 УК РФ по своей структуре совпадает со ст. 264.2 УК РФ. Субъектами в них указаны лица, лишенные права управления транспортными средствами и подвергнутые административному наказанию или судимость за определенные виды транспортных преступлений. Даже названия этих статей позволяют утверждать, что в ст. 264.3 УК РФ представлена более широкая норма, чем предусмотренная в ст. 264.2 УК РФ. Поэтому также логичным видится их объединение в

единой статье с названием «Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами» и дифференциацией ответственности в зависимости от признаков субъекта преступления (подвергнутости административному наказанию или наличия судимости). Нарушение отдельных правил дорожного движения, внутри такой статьи следует выделить в квалифицирующий признак соответствующих деяний с ужесточением санкции.

Еще одной тенденцией развития российского уголовного законодательства, подтвержденной в 2022 году следует назвать расширение преступлений с административной преюдицией. Конструкция уголовно-правовой нормы с таким преступлением впервые была включена в УК РФ 2009 году, а с 2011 по 2021 год статьи, содержащие такие нормы стали регулярно пополнять Особенную часть УК РФ и к началу 2022 года их число достигло 21. За неполный 2022 год уголовный закон был дополнен еще девятью статьями, содержащими нормы с административной преюдицией. Данная тенденция позволяет констатировать, что с одной стороны законодатель идет по пути расширения норм профилактического содержания, стремясь минимизировать карательное воздействие государственного принуждения. С другой стороны, что все чаще повторению административного деликта он придает статус общественной опасности, переводя его в ранг уголовно-наказуемых деяний, тем самым увеличивая как само их число, так и число преступников и соответственно количество лиц, имеющих судимость.

Ученые дают противоречивые оценки этой тенденции [1, с. 104; 3, с. 593-594], однако мнения всех исследователей совпадают в том, что, конструируя нормы с административной преюдицией законодатель так и не выработал универсального подхода к их построению, поэтому использует в них различные признаки, что оценивается крайне негативно. Отсутствие единообразного подхода к формулированию таких норм

подтверждается и новыми составами преступлений, что проявляется в следующем. Во-первых, законодатель по-разному называет статьи с административной преюдицией. Так, в названиях ст. 201.3, 264.3 и 285.6 УК РФ включено указание на субъекта преступления как лицо, подвергнутое административному наказанию, тогда как в названиях других статей с такими нормами (ст. 201.2, 274.2, 280.3, 282.4, 285.5 УК РФ) его упоминания нет. Сам преюдициальный признак субъекта преступления в диспозициях уголовно-правовых норм регламентирован по-разному. В нормах ст. 280.3 и 284.2 УК РФ указано, что деяние совершает лицо, после привлечения его к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года, тогда как в остальных нормах – это лицо, которое считается подвергнутым административному наказанию. До 2022 года формулировка признака субъекта преступления связывалась с привлечением его к административной ответственности в четырех статьях, теперь их стало шесть, в остальных 24 статьях она связана с подвергнутостью административному наказанию. Анализ этих понятий дает основания утверждать, что они не идентичны и могут иметь различные сроки начала исчисления, тогда как такой момент имеет ключевое значение, поскольку с него начинается исчисляться годовой срок, в течение которого лицо должно совершить деяние (повторить административное правонарушение, указанное в уголовно-правовой норме или описанное в данной норме УК РФ). Момент, с которого лицо признается подвергнутым административному наказанию определен в ст. 4.6 КоАП РФ, момент, с которого лицо считается привлеченным к административной ответственности в КоАП РФ не установлен. Теоретический анализ, началом привлечения к административной ответственности позволяет признать момент возбуждения дела об административном правонарушении, который фиксируется составлением документа, указанного в ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ (Возбуждение дела об

административном правонарушении) или ст. 28.6 КоАП РФ (Назначение административного наказания без составления протокола). Также отметим, что, привлечение к административной ответственности возможно и без наказания [4, с. 99]. Таким образом, момент привлечения к административной ответственности совпадает с моментом начала производства по делу об административном правонарушении, а подвергнутость административному наказанию с моментом его окончания. Поэтому является очевидным, что эти моменты различны. Однако от них начинается исчисление срока, в период которого лицо должно совершить деяние, что служит основанием его привлечения к уголовной ответственности. В силу этого, при конструировании уголовно-правовых норм с административной преюдицией законодателю следует однозначно определиться с тем моментом, с которого исчисляется срок повторности административного правонарушения, составляющего основание уголовной ответственности. По нашему мнению, им должен стать момент, с которого лицо, считается подвергнутым административному наказанию, поскольку он четко прописан в КоАП РФ. Следовательно, в нормах, формулировку об указании на совершение деяния после привлечения лица к административной ответственности необходимо заменить на подвергнутость лица административному наказанию. Этими недостатками конструкции норм с административной преюдицией не исчерпываются, поэтому в целом отметим, что назрела необходимость разработки их единой универсальной конструкции, приведение в соответствие с ней всех действующих таких норм УК РФ, и с ее учетом конструировать такие нормы в последующем [2, с. 56-61]. В частности, с такой целью законодателю предлагалось включение в Общую часть УК РФ нормы, содержащей конструкцию преступлений с административной преюдицией [5, с. 8].



Итак, изложенное позволяет констатировать, что в многообразии внесенных изменений в УК РФ в 2022 году подтверждает, что в последние годы наметилось несколько тенденций развития отечественного уголовного законодательства на современном этапе, которые требуют своего изменения. Первая – чрезмерно объемное формирование названий новых, включаемых в Особенную часть УК РФ статей, которые определяют название регламентируемых в них составов преступлений, тогда как они должны быть лаконичными, четкими и легко воспринимаемыми, раскрывающими сущность определяемых преступлений. Считаем, что излишними в них являются развернутые описания деяний, признаков субъектов преступлений и целей их совершения. Все такие признаки состава преступления описываются в диспозициях уголовно-правовых норм, в силу чего нет необходимости повторять их в названиях статей. Вторая выражается в избыточности (дроблении) самостоятельной регламентации схожих преступлений, которые целесообразнее объединять в единых статьях с дифференциацией уголовной ответственности в их частях. Третья – расширение числа преступлений с административной преюдицией, с использованием разных признаков, характеризующих субъекта преступления, что неприемлемо. Уголовно правовые нормы одного и того же вида должны формироваться единообразно. В связи с чем, как минимум, в нормах, в которых использована формулировка о том, что деяние совершатся «лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года» ее следует заменить на указание совершения деяния лицом, подвергнутым административному наказанию. Как максимум, необходима разработка универсальной конструкции нормы с административной преюдицией, в соответствие с которой все такие нормы будут приведены в единообразную форму.

**Список литературы:**

1. Гравина А.А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 95–106.
2. Пантюхина И.В. Особенности регламентации преступлений с административной преюдицией в УК РФ. Права человека и криминализация. Том 1 : материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. А.А. Коренная; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 52–63.
3. Пшеничнов И.М. административная преюдиция: необоснованный риск для уголовного законодательства // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 592–594.
4. Дерюга А.Н., Шаклеин С.Н. Соотношение понятий административного наказания и административной ответственности // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Том 17. № 1. С. 93–99.
5. Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 206 с.

**References:**

1. Gravina A.A. Trends in the development of criminal legislation at the present stage // Zhurnal of Russian Law. 2016. No. 11. pp. 95-106.
2. Pantyukhina I.V. Features of the regulation of crimes with administrative prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation. Human rights and criminalization. Volume 1 : Materials of the International scientific and practical conference / ed. by A.A. Korennaya. Altai State University. Barnaul, 2022. pp. 52-63.
3. Pshenichnov I.M. administrative prejudice: unreasonable risk for criminal legislation // Legal technique. 2019. No. 13. pp. 592-594.
4. Deryuga A.N., Shaklein S.N. Correlation of concepts of administrative punishment and administrative responsibility // Siberian Legal Review. 2020. Volume 17. No. 1. pp. 93-99.
5. Ergasheva Z.E. Administrative prejudice in criminal law: diss. ... cand. jurid. M., 2018. 206 p.